

ИОСИФ БЕНЕДИКТОВИЧ ПОГРЕБЫССКИЙ

А. Н. БОГОЛЮБОВ (Киев), Е. М. КЛЯУС (Москва)

Замечательный советский историк науки, специалист в области математики и механики И. Б. Погребысский исследовал развитие ведущих идей механики разных эпох и разных народов и стран, изучал творчество таких ученых, как Галилей, Паскаль, Лейбниц, Лагранж, Эйлер, внес важный вклад в изучение истории отечественной и зарубежной науки.

Родился И. Б. Погребысский 23 февраля 1906 г. в г. Умани. Его отец, врач-терапевт, обращал особенное внимание на обучение сына иностранным языкам. Изучение языков вскоре увлекло мальчика, и в уманскую мужскую гимназию он поступил в 1915 г. с солидными лингвистическими познаниями. К 14 годам Иосиф Бенедиктович уже достаточно хорошо владел французским, английским и латинским языками. Затем к увлечению языками добавилась история.

В эти годы у Иосифа Бенедиктовича появилось еще одно серьезное увлечение — шахматы. Осенью 1923 г., после окончания школы, он приезжает в Киев и в 1924 г. поступает на физико-математическое отделение факультета профобразования Киевского высшего института народного образования (КВИНО).

Профессорско-преподавательский состав физико-математического отделения был очень сильным. В числе преподавателей были академики Д. А. Граве и Г. В. Пфейффер, профессора М. Ф. Кравчук (позже академик), Б. Я. Букреев и др. Д. А. Граве, ведущий в то время советский алгебраист, читал курс алгебры. Г. В. Пфейффер разрабатывал теорию дифференциальных уравнений. Специальностью Б. Я. Букреева была геометрия. М. Ф. Кравчук занимался алгеброй, математическим анализом, теорией дифференциальных и интегральных уравнений, теорией функций, теорией вероятностей.

В первой половине 20-х годов одним из методов научно-исследовательской работы и привлечения к ней талантливой молодежи были семинары. Иосиф Бенедиктович посещал семинар Д. А. Граве, который был посвящен ряду вопросов прикладной математики, и семинар Н. М. Крылова по математической физике.

Институт Погребысский окончил в 1928 г. и по рекомендации отделения был принят в аспирантуру, которую проходил под руководством Д. А. Граве. Одновременно он начал работать преподавателем математики и физики. Впоследствии его товарищ по работе, проф. Г. И. Дринфельд, вспоминал: «Когда я был еще на первом курсе института, до меня доходили слухи, что на четвертом курсе есть одаренный студент и очень интересный человек — Погребысский, но я его не знал. Может быть, мы еще и потому не знали друг друга, что и он, и я не часто бывали в институте, так как работали и нас не очень интересовали лекции по „педагогике с рефлексологией“, „истории педагогических течений“, экономической географии и по ряду других предметов, далеких от математики и ее приложений.

Лишь на выпускном курсе я впервые увидел Иосифа Бенедиктовича. Вошел в нашу аудиторию молодой человек с небольшой черной бородкой и, смущенно улыбувшись, сказал: „Я попытаюсь прочесть вам лекцию. Это поручено мне Дмитрием Александровичем Граве“.

Д. А. Граве читал нам курс теоретической механики. Он приходил на лекции с очередными листами гранок печатавшегося тогда его учебника и читал с этих гранок, лишь иногда поднимаясь со стула для написания на доске формул...

Иосиф Бенедиктович прочел нам лекцию ровным голосом, без внешних эффектов; но с какой-то внутренней силой. По окончании лекции мы, к великому смущению

лектора, встали. Это было выражение благодарности — в те времена студенты не вставали при входе и выходе преподавателя. Следует заметить, что среди нас были студенты, годившиеся 24-летнему лектору в отцы».

По окончании аспирантуры в 1931 г. Иосиф Бенедиктович приступил к работе — сперва в качестве ассистента, а затем доцента в ряде киевских высших учебных заведений. В эти годы ему приходилось преподавать в Механическом институте, на механическом факультете Киевского политехнического института и в Киевском физико-химико-математическом институте. В 1933 г. вновь был организован Киевский университет. В его стенах и продолжилась педагогическая работа Погребысского. Он читал самые различные курсы по математике и механике. «Он не очень любил преподавание, — пишет Г. И. Дринфельд, — его стесняли рамки программы и времени, смущало равнодушное отношение части студентов к предмету в главном и к философским обобщениям в частности. Пожалуй, он с удовольствием преподавал бы небольшой группе заинтересованных студентов, но, к сожалению, в предвоенные годы в Киевском университете специальные и факультативные курсы почти не читались».

В 1932 г. Погребысский опубликовал свою первую статью по высшей алгебре. Затем последовали работы по теории рядов, теории обыкновенных дифференциальных уравнений, гидродинамике, теории фильтрации грунтовых вод, теории колебаний. В 1935 г. он поступил на работу в Институт математики АН УССР, с которым и связана была значительная часть его научных исследований.

В 1939—1940 гг. он принял участие в исследованиях по гидродинамике, которые начал в те годы акад. М. А. Лаврентьев. В теории дифференциальных уравнений Иосиф Бенедиктович применил к исследованию собственных величин и собственных значений краевой задачи Штурма — Лиувилля метод Чаплыгина приближенного интегрирования дифференциальных уравнений. В теории фильтрации он исследовал обтекание со срывом струй при наличии в жидкости зоны застоя. Ему принадлежат также результаты, относящиеся к изучению поведения траекторий системы обыкновенных дифференциальных уравнений третьего порядка в окрестности положения равновесия в неаналитическом случае.

И. Б. Погребысский был глубоко честным, принципиальным и смелым человеком и в тех случаях, когда считал, что совершается бесчестное дело, действовал в соответствии со своими убеждениями. Так, в 1937 г., когда М. Ф. Кравчук был обвинен по ложному доносу, на общем собрании механико-математического факультета состоялось «рассмотрение» его «дела». Из всего состава факультета только один Погребысский решительно встал на его защиту и был одним из немногих, голосовавших против резолюции, осуждавшей Кравчука.

Иосиф Бенедиктович через всю жизнь пронес две «интеллектуальные привязанности» — к филологии и шахматам.

Филологические склонности Иосифа Бенедиктовича выразились в том, что он всегда по-серьезному интересовался языками, языкознанием, постоянно расширяя и углубляя свои знания в этой области. Кроме того, он интересовался искусством и тонко в нем разбирался (к слову сказать, одним из его любимых художников был Гейнсборо), он много читал, любил и знал литературу, особенно поэзию, помнил множество стихов и даже сам переводил с разных языков. Сохранился, например, перевод баллады Роберта Браунинга «Как доставили добрые вести из Гента в Экс», где хорошо передан своеобразный стих оригинала, словно бы иллюстрирующий ритм скачущих лошадей:

Я прыгнул в седло, Дирк — за мной, и Джори;

Дирк тронул галопом, галопом — все три;

«Добро!» — прокричал у ворот часовой,

«Добро!» — эхо нам донесло за стеной...

Из Гента ушли мы с заходом луны;

В Локерне крик кочетов слышали мы;

Большая звезда нас у дома ждала;

За Дюффельдом светом сменилася мгла;

С собора в Мехельне к нам звон долетел.

«Поспеть еще можно», — Джори прохрипел.

И. Б. Погребысский (1946)

Со временем к тем языкам, которые Иосиф Бенедиктович изучил в юности, добавились еще немецкий и в изрядной степени греческий, а когда это понадобилось, он быстро овладел и итальянским.

Свое шахматное мастерство Иосиф Бенедиктович особенно усовершенствовал в предвоенные годы. Уже в 1925 г. Иосиф Бенедиктович стал чемпионом Киева. Он участвовал в республиканских турнирах 13 раз, в полуфинальных — 11 и 1 раз в финальном (XI) первенстве Советского Союза. В 1936 г. он делит первое-второе места в турнире на первенство Украины, а через год занимает второе место.

Хотя научная работа не позволяла участвовать в соревнованиях так часто, как бы это требовалось, И. Б. Погребысский был членом Всеукраинской шахматной федерации и председателем квалификационной комиссии, проводил учебные сеансы одновременной игры в Киевском Дворце пионеров и опубликовал немало статей (теоретических и обзорных), посвященных шахматам.

В памяти друзей и знакомых Иосиф Бенедиктович остался как интересней-

ший, разносторонне эрудированный собеседник: он всегда почти мгновенно умел найти нужный ответ или решение поставленного вопроса. Будучи человеком остроумным и ироничным, он, однако, никогда не выпускал стрелы своего остроумия попусту. Был тверд в отстаивании собственных убеждений и при обычной своей сдержанности был чуток, доброжелателен. Обладая чувством собственного достоинства, он никогда и ни в чем не показывал своего превосходства. Его характеру были чужды мелочность и злопамятство. Он был тонким психологом, хорошо разбирался в людях, понимал, кому, чем и как можно помочь.

В 1940 г. после защиты диссертации И. Б. Погребысскому была присвоена ученая степень кандидата физико-математических наук. Тема диссертационной работы относилась к гидродинамике, которой Иосиф Бенедиктович в то время занимался.

Когда началась Великая Отечественная война, молодой ученый добровольцем ушел на фронт. Он воевал в составе кавалерийского корпуса — сначала в разведке, а потом был заместителем начальника оперативного отдела штаба корпуса. Он принимал участие в боях за Львов, а потом от Волги дошел до Эльбы. Во время обороны Сталинграда Иосиф Бенедиктович был принят в кандидаты, а в октябре 1943 г. — в члены партии.

Начинавший войну рядовым, в конце ее гвардии майор И. Б. Погребысский, награжденный четырьмя боевыми орденами и многими медалями, был как специалист-математик демобилизован из армии и в 1946 г. возвратился в Институт математики АН УССР. Здесь он работал старшим научным сотрудником до 1962 г., написал несколько учебников по математике, ряд работ по вычислительной математике, методике математики, теории рядов, теории дифференциальных уравнений.

С 1947 г. Погребысский возглавил в Институте математики разработку нового направления — вычислительной математики. Сначала он руководил лабораторией электромоделирования, а в 1949—1950 гг. исполнял обязанности заведующего отделом вычислительной математики. Тогда же по его инициативе и под его руководством была создана машинно-счетная станция, на базе которой в 1957 г. был организован Вычислительный центр АН УССР, преобразованный в 1962 г. в Институт кибернетики.

В 1947—1951 гг. Погребысский работал в тесном контакте с группой акад. С. А. Лебедева, разрабатывавшей в Институте электротехники АН УССР первую отечественную вычислительную машину МЭСМ. На семинаре, организованном С. А. Лебедевым для выработки рекомендаций по основным техническим и математическим характеристикам новой проектируемой машины, Иосиф Бенедиктович прочел цикл лекций о счетно-аналитических и релейных вычислительных машинах, которые в ту пору выпускались у нас и за рубежом. Не все его работы, относящиеся к этому направлению, были опубликованы; многие остались в отчетах института. В качестве примера сошлемся на статью, написанную Иосифом Бенедиктовичем (совместно с С. Б. Погребинским, 1956 г.), в которой авторы предложили новый алгоритм операций умножения и деления, что позволяло упростить конструкцию арифметического блока и ускорить выполнение операций в электронных цифровых вычислительных машинах.

В одной из своих последних статей — «Об оценке научных открытий» — он писал: «В научной работе должно быть что-то новое, т. е. она должна содержать какое-то открытие, пусть самое скромное. Поэтому суждение о ней неизбежно должно включить в себя оценку открытия» [1, с. 63].

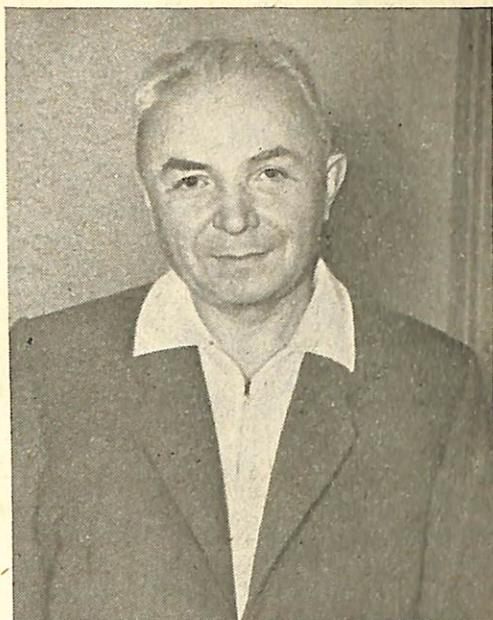
С 1950 г. в круг научных интересов Иосифа Бенедиктовича входит история математики, а затем и механики. В 1956 г. по инициативе Б. В. Гнеденко и И. Б. Погребысского, а затем и И. З. Штокало при Институте математики АН УССР был основан Республиканский семинар по истории математики и математических знаний. Этот ежемесячный семинар объединил вокруг себя почти всех украинских специалистов, занимавшихся историей математики.

Диапазон историко-научных изысканий Иосифа Бенедиктовича, относящихся к этому времени, был уже достаточно широк: он исследует некоторые общие вопросы развития отечественной математики, изучает творчество Л. Эйлера, С. В. Ковалевской, А. М. Ляпунова. Особенно важный вклад внес он в разработку творчества выдающегося дореволюционного математика Г. Ф. Вороного и замечательного математика и педагога М. В. Остроградского (1956—1961).

В статье о жизни и творчестве Г. Ф. Вороного, в частности, отмечалось: «Особенностью Г. Ф. Вороного было гармоническое сочетание в его мощном таланте дарований геометра и аналитика» [2].

При подготовке издания сочинений Г. Ф. Вороного Иосифу Бенедиктовичу пришлось выполнить большую поисковую работу в архивах. Он исследовал вопросы, связанные с жизнью Вороного и его творческой биографией, нашел в Ленинградском областном историческом архиве дело о присвоении Вороному степени доктора чистой математики, изучил рукописный фонд Вороного в Библиотеке АН УССР. В результате удалось не только ввести в научный оборот ряд неизвестных до того времени документов, но и прояснить особенности творчества выдающегося математика. Изучая дневники Вороного и различные сохранившиеся документы, Иосиф Бенедиктович составил комментарии к ряду его работ.

Еще более сложной была работа, проведенная Погребысским при подготовке к изданию полного собрания математических сочинений М. В. Остроградского, за которым последовало издание и его педагогического наследия. Бумаги Остроградского находились в разных архивах страны, нужно было выяснить их местонахождение, ознакомиться с ними и опубликовать их. Эта работа растянулась на длительное время и потребовала огромного, глубокого творческого труда. Остроградский создал мощную школу русской прикладной механики, в силу чего его педагогические воззрения представляют особый интерес. В большой статье 1961 г., написанной Иосифом Бенедиктовичем совместно с И. А. Мароном, было проанализировано богатое педагогическое наследие великого ученого, оказавшего заметное влияние на подготовку преподавания математики едва ли не во всех средних и высших учебных заведениях России, проанализированы его общепедагогические воззрения, принципы его методики преподавания элементарной математики в средней школе, вопросы преподавания высшей математики и много других вопросов. Позже И. Б. Погребысский (в соавторстве с Б. В. Гнеденко) написал (1963 г.) обстоятельную биографию Остроградского. Книга содержит столько первооткрытий и находок, что по сей день может служить подспорьем для дальнейших исследований.

И. Б. Погребыский. Середина 60-х годов

и математики (позже — сектор истории механики) Института истории естествознания и техники АН СССР. Здесь его блестящий талант историка математики и механики развернулся в полную силу: он исследует ряд проблем истории отечественной математики, а также математики зарубежных стран, в частности, французской математики. Кроме того, в его работах находят освещение и некоторые вопросы философии математики, причем зачастую он предлагает свое понимание того или иного процесса в истории науки.

Помимо самостоятельных исследований Иосифом Бенедиктовичем в 60-х годах был выполнен ряд переводов книг и статей по истории науки. В качестве примера можно указать на «Краткий очерк истории математики» голландского математика и историка науки Д. Я. Стройка в переводе и с дополнениями И. Б. Погребыского. Эти дополнения, касающиеся истории математики в России, и написанный им раздел о развитии математики в первой половине XX столетия вошли затем во все последующие русские и немецкие издания книги Стройка. Этот очерк-раздел стал одним из первых обзоров по истории математики XX в. При сравнительно небольшом объеме (порядка полусотни страниц) обзор этот чрезвычайно насыщен по содержанию, в нем дана яркая картина развития математики, охарактеризованы ее наиболее важнейшие этапы, проведен анализ их логической связи.

В эти же годы Иосиф Бенедиктович возглавляет работу по редактированию и комментированию двухтомного собрания трудов Галилея (в русском переводе). Интересен был и метод его редактирования: он читал страницу оригинала, потом — соответствующее место перевода, обычно уже не заглядывая в оригинал. Когда его спрашивали, почему он так редко сверяется с оригиналом, он отвечал, что хорошо его помнит. И в подтверждение мог тут же дословно пересказать текст.

Он принимал участие также в ряде симпозиумов и конференций, отечественных и зарубежных. Например, участвовал в симпозиуме, посвященном 400-летию со дня рождения Галилея, проходившем в Италии, а затем — в XI и XII Международных конгрессах по истории науки. На XI Международном конгрессе он был избран председателем комиссии по документации Отделения истории Международного союза истории и философии науки. В 1965 г. он избирается членом-корреспондентом Международной академии истории науки.

В эти годы основные научные интересы И. Б. Погребыского сосредотачиваются на истории развития механики в XIX столетии. В 1966 г. он публикует замечательную

В работе «О некоторых задачах истории математики» (написана в 1957 г. совместно с Б. В. Гнеденко) указаны наиболее существенные проблемы истории науки, ее методы и особенности методики.

В это же время Иосиф Бенедиктович занялся проблемами теории устойчивости, которую рассматривал не только математически, но и в ее методологическом аспекте. Одновременно он работал над изучением принципов общей истории науки. В начале 60-х годов он занялся составлением библиографии трудов математиков, работавших на Украине; он также является одним из инициаторов создания «Истории отечественной математики», в которой принял участие в качестве члена редколлегии и автора нескольких статей. Ему, в частности, принадлежат очерки о становлении и начальном развитии математики в Грузии, Армении и Азербайджане.

В 1962 г. И. Б. Погребыский перешел на работу в сектор истории механики

Флоренция. Симпозиум, посвященный 450-летию Леонардо да Винчи. 1969 г.

монографию «От Лагранжа к Эйнштейну», где подвергает глубокому анализу историю механики XIX столетия и выясняет наиболее существенные направления этой науки.

«Достаточно широко распространено мнение,— читаем мы в предисловии,— что механика вступила в XIX в. с отработанной системой основных положений, вступила как аксиоматически построенная наука; и пусть она не всегда могла дать эффективные методы для решения задач, но в ней не было расхождений в понимании целей и постановке проблем. Более детальное исследование механики XIX в. заставляет отказаться от таких упрощенных и упрощающих представлений. Исследуемая в книге эпоха заполнена борьбой мнений относительно основных принципов и целей механики, и формированием ее новых отраслей и направлений» [3, с. 3].

Книга состоит из пяти глав. В первой главе («Наследие») автор рассматривает механику Лагранжа, Монжа и Карно и механику деформируемых сред к началу XIX в. Особенный интерес представляют «Дополнения и выводы», в которых автор касается некоторых философских аспектов исследуемой проблемы. Он утверждает, что в XVIII в. не было единства взглядов в выборе исходных положений механики, и дедуктивное ее построение в духе Ньютона не нашло подражания. «Вызвано это было несколькими причинами. Одной из них является положение с основными началами и основными понятиями, например, с понятием силы. Без него механика явно не могла обходиться, им вынуждены были пользоваться и те, кто принципиально был против него (например, Даламбер). Но в век успехов небесной механики пользоваться понятием силы означало допустить физически несообразное действие на расстоянии. Поэтому свести концы с концами не могли и нужно было мириться с таким положением в надежде на лучшее будущее или, как поступил Лаплас, заявить, что вряд ли когда-либо удастся понять, что такое сила» [3, с. 75].

Интересно и глубоко проведен анализ оценки Трусделлом вклада Эйлера и Лагранжа в создание основ механики.

Большой интерес представляет вторая глава монографии — «Молекулярная (физическая) механика». В ней дается характеристика одного из ведущих направлений в механике начала XIX в., направлений, к которым примыкало подавляющее боль-

шинство ведущих математиков первой половины века — от Лапласа до Коши и Сен-Венана. Несмотря на небольшой объем, эта глава является одним из самых полных изложений молекулярной механики и соответствующей проблематики.

В третьей и четвертой главах рассматривается история механики XIX в. в двух аспектах — прикладном и аналитическом. Причем ясно отмечен «водораздел» между обоими направлениями и показано, как происходила дифференциация направлений механики в зависимости от требований науки и техники, хотя оба направления пользовались одной и той же научной базой, полученной от механиков XVIII в.

Последние десятилетия века освещены в заключительной, пятой главе. В эти годы механика, с одной стороны, умножает использование геометрических методов и разрабатывает при помощи геометрии новые расчетные методы и даже целые научные направления, которые быстро находят свое практическое применение. С другой стороны, исследователи наконец-то «вспомнили», что механика является частью физики; тем самым дифференциация направлений механики еще более усугубляется, и единая, в сущности, наука начала века порождает целую серию направлений.

Эта драматическая история механики XIX в. нашла в книге И. Б. Погребыского оригинальное понимание и изложение, хотя некоторые вопросы автор только наметил. В дальнейшем он собирался развить их и частично выполнил это в двух томах «Истории механики», вышедших под его и А. Т. Григорьяна редакцией.

В работе «Механика XIX в. и проблемы ее аксиоматики» (сб.: Развитие современной физики.— М.: Наука, 1964) Иосиф Бенедиктович поднял интересный вопрос об аксиоматизации классической механики. Нужно сказать, что он не только его поставил, но и провел ряд работ для его решения.

Иосиф Бенедиктович защитил в 1965 г. на ученом совете Института математики АН УССР докторскую диссертацию — «Развитие теоретической механики в первой половине XIX в. От Лагранжа до Остроградского». Отметим, что это была уже вторая докторская диссертация ученого: первая, по гидродинамике, была закончена весной 1941 г. и погибла во время войны в Киеве.

В автореферате диссертации автор писал: «Героическая для классической механики эпоха ее становления, а затем пора ее триумфов и утверждения как ведущей и основополагающей дисциплины естествознания — XVII и XVIII веков — явно заслоняли наступившую после них полосу, которая кажется гораздо менее яркой, лишенной событий принципиального значения. Но она подводит к новой физике XX столетия и хотя бы поэтому заслуживает изучения» [4].

Следующим этапом исследовательской работы Погребыского явилась книга «Развитие механики в СССР за 50 лет», которую можно назвать монографией, ибо значительная ее часть (12 глав из 15) написана Иосифом Бенедиктовичем, а именно: I. Общая характеристика развития механики в СССР; II. Аналитическая механика; IV. Теория устойчивости; V. Теория колебаний; VI. Теория автоматического регулирования; VIII. Теория упругости; IX. Теория пластичности; X. Механика сыпучей среды и грунтов; XI. Динамика идеальной жидкости; XII. Динамика вязкой жидкости; XVI. Теория фильтрации; XV. История механики.

Уже одно только перечисление этих глав свидетельствует о колоссальном объеме выполненной работы, тем более что по ряду направлений отсутствовали какие-либо обзорные статьи и всю соответствующую работу автору пришлось проделать самому.

В вводной главе И. Б. Погребыский характеризует положение механики на рубеже столетий, проблемы, стоящие перед ней в течение первых двух десятилетий (в частности, проблему аксиоматизации). Остановившись на традициях русской механики, он отмечал: «Важнейшими традициями отечественной механики были стремление к сближению теории и практики и трезвый материалистический подход к принципиальным вопросам. Взгляды основателя большой научной школы М. В. Остроградского... достаточно широко освещены в литературе; хорошо известно мнение П. Л. Чебышева..., что заниматься ученому нужно не тем, что интересно и любопытно, а тем, что полезно и важно. Такие взгляды и убеждения были господствующими у механиков — учеников и последователей М. В. Остроградского, составивших две школы (или две ветви одной школы) — Московскую и Петербургскую» [5]. Далее Погребыский рисует широкую картину положения механики в дореволюционной России и показывает, с чем пришла отечественная механика к Октябрю 1917 г.

Механик и математик, Иосиф Бенедиктович вместе с тем тонко понимал и физику — это нашло отражение как в его педагогической деятельности, так и в превосходной статье «Математические структуры и физические теории (от Архимеда до Лагранжа)» (Вопр. истории естествознания и техники, 1970, вып. 2 (31), а также в его больших работах — «От Лагранжа к Эйнштейну», «Лейбниц», в отдельных главах двухтомной «Истории механики», написанных непосредственно им. Что касается статьи «Математические структуры и физические теории», то она была написана на основе доклада, прочитанного Иосифом Бенедиктовичем в 1968 г. в Париже на XII Международном конгрессе по истории науки.

Диапазон исследований, выполненных Иосифом Бенедиктовичем в последние годы жизни, весьма широк. Он занимается рядом исследований по истории отечественной математики, пишет статьи о жизни и научном творчестве А. А. Маркова, работает над историей французской механики, исследует период зарождения ньютоновской механики и заканчивает монографию о Лейбнице.

Интересна работа Иосифа Бенедиктовича «О непрерывности в эволюции механики в XVII в.» (История и методология естественных наук, 1970, изд-во МГУ, вып. VIII), в которой он разбирает сложный вопрос о научной революции. В статье дается сжатая, но очень содержательная оценка механики Ньютона, ее зависимости от идей Галилея и Гюйгенса.

Фигура Лейбница привлекала к себе внимание Погребыского своей необычностью. Этот «универсал из универсалов», философ и богослов, юрист и дипломат, механик и математик, естествоиспытатель и историк представлял собой едва ли не единственное в своем роде явление в мировой науке. Лейбниц был «причастен к горному, монетному и библиотечному делу, изобретал различные устройства, в том числе счетную машину, был публицистом, политиком и дипломатом, организовывал академию наук ставил химические опыты и интересовался медициной» [6, с. 5]. Правда, Иосиф Бенедиктович по ряду причин был вынужден ограничить рамки своего исследования. В предисловии к книге он отмечает, что помимо биографии он главным образом освещает творчество Лейбница в области физико-математических наук и лишь бегло касается других сторон деятельности великого ученого.

Книгу И. Б. Погребыского о Лейбнице нельзя рассматривать как книгу в ряду других биографий ученого: едва ли не на каждой странице читатель найдет или новые, неизвестные ему факты, или новое освещение неоднократно изучавшегося вопроса. Так, например, не лишено интереса замечание автора о том, что в переписке Лейбница с Ньютоном «участвовали два равноправных партнера» [6, с. 243]. Что касается знаменитого спора о приоритете, то Погребыский приходит к выводу, что анализ опубликованных в свое время документов, разбор новых, в частности черновиков Лейбница, затаенных до XX столетия и в итоге подтвердил полную самостоятельность открытий Лейбница.

В книге поставлены сложнейшие теоретические вопросы, в частности там рассмотрена проблема связи монадологии Лейбница с его динамикой, а также соотношение учения о монадах с атомизмом XVII—XVIII вв. Эрудиция историка, математика, философа позволила создать удивительно емкий образ «гения компромисса». Погребыский подытоживает свою книгу следующими словами: «Компромиссы позволяют безбедно просуществовать посредством, но они не могут не принижать талантливых людей, а гениальным они решительно противопоставлены: характер гения постепенно становится недостойным его дарований, поступки — недостойными его характера. Но закончить рассказ о Лейбнице надо, сказав, что это был один из самых мощных умов, какие знает история, и что он всегда стремился творить благо, а не зло» [6, с. 312]. Книга о Лейбнице вышла из печати в июле 1971 г., уже посмертно.

В том же году вышла в свет и «История механики с древнейших времен до конца XVIII века», общее редактирование которой осуществлял И. Б. Погребыский. Кроме того, в книге им были написаны следующие разделы: «Становление классической механики», «Аналитическая механика» (последняя — в соавторстве с Л. С. Фрейманом), «Теория колебаний и волн». Следующий том этого издания — «История механики с конца XVIII века до середины XX века» — вышел в 1972 г. В нем Иосиф Бенедиктовичу принадлежит очерк о теории устойчивости.

Нужно сказать, что история развития теории устойчивости является одной из наименее разработанных и, в сущности, Погребысскому принадлежит вторая (после известного труда Н. Д. Моисеева) работа на эту тему. Несколько выйдя за пределы времени, обозначенного в заглавии книги, автор рассматривает генезис проблемы в XIII—XVII вв., затем — вклад ученых XVIII—XIX вв. в разработку этой теории. Далее излагаются результаты А. Пуанкаре, А. М. Ляпунова и их последователей.

В последние годы жизни Иосиф Бенедиктович начал работу над изданием собрания сочинений Анри Пуанкаре. Подбор материалов для переводов, редактирование их, составление комментариев и продолжавшаяся работа над «Историей механики», казалось, должны были без остатка поглотить все его время. И тем не менее, пренебрегая отдыхом, он находит «резервы»: из-под его пера выходит ряд новых статей, он готовит материалы для Международного конгресса по истории науки и техники, пишет математическую главу для монографии о Паскале.

Как ни удивительно, но Иосиф Бенедиктович в это до отказа заполненное напряженной работой время не забросил и шахматы. Однако теперь это были уже не изнурительные турнирные баталии, а дружеские, отдыха ради, встречи с коллегами, учеными. Так, одним из «регулярных» шахматных партнеров Иосифа Бенедиктовича в конце 60-х годов был акад. И. Е. Тамм, питавший к нему самые дружеские чувства и ценивший в нем не только сильного игрока, но и глубоко оригинального собеседника-эрудита.

Умер Иосиф Бенедиктович 20 мая 1971 г. в Ленинграде, во время служебной командировки; умер до обидного рано, в расцвете своего большого и яркого таланта, не успев завершить многое из начатого, полный интересных и значительных творческих замыслов¹. Несвоевременная и оттого особенно горькая потеря! Но в какой-то мере утешает сознание, что остались статьи ученого, его книги, которые активно служат и еще долго будут служить многочисленным читателям, учащейся молодежи, историкам науки, направляя их творчество, корректируя их научные поиски, формируя мировоззрение, помогая им глубже понять математическое естествознание в процессе его развития².

Литература

1. Погребысский И. Б. Об оценке научных открытий//Научное открытие и его восприятие. М.: Наука, 1971. С. 63—67.
2. Погребысский И. Б., Штокало И. З. Жизнь и научная деятельность Г. Ф. Вороного// Вороной Г. Ф. Собр. соч. Киев: Изд-во АН УССР, 1953. Т. 3. С. 303.
3. Погребысский И. Б. От Лагранжа к Эйнштейну. М.: Наука, 1966. 327 с.
4. Погребысский И. Б. Развитие теоретической механики в первой половине XIX века: Автореф. дис. ... д-ра физ.-мат. наук. Киев, 1965. С. 3.
5. Развитие механики в СССР. М.: Наука, 1967. С. 14.
6. Погребысский И. Б. Готфрид Вильгельм Лейбниц. М.: Наука, 1971. 319 с.

¹ Хочется верить, что сектор истории физики и механики позаботится собрать разбросанные по многочисленным сборникам и журналам статьи И. Б. Погребысского, как и ряда других своих ушедших из жизни, но широко известных историков науки. Это будет не только дань их памяти, но и хороший, ценный в научном отношении подарок читателям, ныне работающим историкам науки.

² Список трудов И. Б. Погребысского см.: Успехи мат. наук, 1972, т. XXVII, вып. 1 (16), с. 230—235. Он не включает следующие работы — общее редактирование книг: История механики с древнейших времен до конца XVIII века. М.: Наука, 298 с.; История механики с конца XVIII века до середины XX века. М.: Наука, 1972. 414 с. (совместно с А. Т. Григорьяном); комментарий к мемуару: О геодезических линиях на выпуклых поверхностях//Пуанкаре А. Избр. труды. Т. 2. М.: Наука, 1972. С. 982—983; комментарий к мемуару: Об одной геометрической теории//Там же. С. 984—987; Теория устойчивости//История механики с конца XVIII века до середины XX века. М.: Наука, 1972. С. 116—137; Развитие механики в СССР//Григорьян А. Т. Механика от античности до наших дней. М.: Наука, 1971. С. 279—311; 2-е изд. — М.: Наука, 1974. С. 389—441; комментарий: Электричество и оптика//Пуанкаре А. Избр. труды. Т. 3. М.: Наука, 1974. С. 730—731.

ВСТРЕЧИ С НИЛЬСОМ БОРОМ

И. Д. РОЖАНСКИЙ

Встречи с великими творческими личностями, какими бы мимолетными они ни были, оставляют, как правило, в нашей душе глубокий след. Возникает ощущение, что ты как бы прикоснулся к другому миру — более высокому, чистому и прекрасному, чем мир нашей повседневной жизни. Это ощущение может оказаться достаточно длительным и в каком-то отношении повлиять на наши убеждения и поступки.

Мне в этом смысле повезло: в течение моей жизни я имел счастье встречаться с несколькими примечательными людьми. Самым великим из них был, бесспорно, Нильс Бор. О встречах с ним я хочу рассказать на этих страницах. Для истории науки эти встречи, вероятно, не имеют значения, тем не менее мои личные, субъективные воспоминания могут оказаться небезыntenесными для тех, кого привлекает грандиозная фигура творца современной квантовой физики.

До основной моей встречи с Бором, состоявшейся в мае 1961 г., я видел великого физика трижды. Впервые это было во время его первого приезда в Советский Союз в 1934 г. В то время я еще был студентом. Мне удалось пробраться в конференц-зал Академии наук, где состоялось чествование Бора (Академия наук еще находилась в Ленинграде). Приветственное слово в честь Бора произнес тогдашний президент Академии престарелый А. П. Карпинский (ему было уже около 87 лет). Вслед за приветствием произошла трогательная сцена: Карпинский подошел к Бору, обнял его и, прослезившись, расцеловал. Мне помнится, что и у Бора на глазах выступили слезы.

Вторично Бор посетил Советский Союз проездом из Китая в 1937 г. В Москве он сделал остановку и на пару дней приехал в Ленинград. В то время я был аспирантом Ленинградского физико-технического института. Бор выступил с докладом на общепринадлежителном семинаре, которым руководил директор института акад. А. Ф. Иоффе. В переполненном зале помимо сотрудников института собрался весь цвет советской теоретической физики: в числе присутствовавших я помню Л. Д. Ландау, В. А. Фока, И. Е. Тамма и мн. др. Бор кропотливо рисовал на доске схемы возможных мысленных экспериментов, с помощью которых можно было бы одновременно измерить импульс и координаты частицы; он изображал отверстия в подвижных стенках, к которым были прикреплены пружинки, в свою очередь связанные с измерительными приборами. И всякий раз выходило, что импульс и положение в пространстве являются дополнительными величинами, что всякое уточнение положения частицы неизбежно влечет за собой увеличение неопределенности в значении импульса, и наоборот. То же относилось к энергии и к моменту времени, в который эта энергия измерялась. В каждом случае Бор по-детски радовался полученному результату, обнажая в улыбке свои большие, желтые, неправильные зубы.

В это время, как, впрочем, и в течение всей последующей своей жизни, Бор был поглощен разъяснением смысла и значения принципа дополнительности.

Прошло много лет, насыщенных событиями, о которых нет нужды напоминать. В 1955 г. волею начальства я был включен в состав секретариата I Международной конференции ООН по использованию атомной энергии в мирных целях. Нас, ученых секретарей конференции, было свыше 20 человек, прибывших из 14 стран. Генеральным секретарем конференции был утвержден профессор Массачузетского технологического института Уолтер Уитмен, а его заместителем — советский физик Виктор Сер-